

УДК 341.4

DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-235-240

© Ндувимана Ж., 2026

Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами как основной элемент права на самоопределение: практический аспект

Ндувимана Жанвье

Аспирант кафедры международного права
Казанского (Приволжского) федерального университета
(420008, Казань, ул. Кремлевская, 18; e-mail: nduwimanaj@yahoo.fr;
ORCID: 0009-0006-9665-2741)

В условиях усиления климатических вызовов возрастает актуальность изучения соотношения права народов на самоопределение и неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами. Цель исследования заключается в определении баланса между этими принципами в контексте международных экологических обязательств различных государств; для её достижения были поставлены такие задачи, как анализ международно-правовых норм, правоприменительной практики и выработка рекомендаций. Научная значимость работы состоит в переосмыслении концепции суверенитета через призму инклюзивного управления, а практическая – в возможности применения результатов в образовании и государственной экологической политике. По результатам исследования было установлено, что право неотъемлемого суверенитета не оправдывает исключение коренных народов из процессов принятия решений. Напротив, их участие усиливает эффективность климатического управления. Также был сделан вывод о том, что интеграция права на самоопределение укрепляет легитимность государств. Научная новизна статьи заключается в обосновании модели многоуровневого и инклюзивного управления природными ресурсами с признанием ключевой роли коренных народов и местных сообществ в этом процессе.

Ключевые слова: *государственный суверенитет, принцип неотъемлемого суверенитета, природные ресурсы, самоопределение народов, коренных общин, защита окружающей среды*

Для цитирования: *Ндувимана Ж. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами как основной элемент права на самоопределение: практический аспект // Вестник экономики, права и социологии. 2026. № 2. С. 235–240. DOI: 10.24412/1998-5533-2026-2-235-240.*

В эпоху глобализации, когда вопросы, связанные с изменением климата, являются предметом множества дискуссий, международное право стремится интегрировать принцип самоопределения народов в механизмы защиты окружающей среды. С 1960-х гг. количество резолюций Организации Объединенных Наций, включающих в себя принцип неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами, возросло. Этот принцип, изначально признанный исключительно за государствами, был

впоследствии также закреплен за народами, в соответствии со ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах и ст. 1 Резолюции 1803 (XVII) Генеральной Ассамблеи ООН о неотъемлемом суверенитете над естественными ресурсами 1962 г. [1; 2].

Взаимосвязь между правом народов на самоопределение и экологическими обязательствами, вытекающими из Рамочной конвенции ООН об изменении климата, остается актуальной темой: в то

время как управление природными ресурсами традиционно находится под ответственностью государства, руководящие принципы ООН, касающиеся коренных народов, выступают противоречием этим устоям [3–5]. Таким образом, возникает следующий вопрос: как в международном праве принцип самоопределения народов согласуется с традиционными суверенными рамками государства в качестве инструментов защиты окружающей среды и климата?

В данной статье проводится юридический анализ упомянутого противоречия между государственным суверенитетом и ролью народов в решении климатических императивов в международном экологическом праве. Результаты нашего исследования могут быть использованы в качестве учебных материалов в высших учебных заведениях, а также при определении целей и осуществлении национальной политики в области защиты окружающей среды.

Право народов на самоопределение находит свое отражение в Уставе Организации Объединенных Наций, изначально появившемся в нем в период деколонизации. Вскоре политические мотивы фигурирования данного аспекта в международных документах дополнились экономическими мотивами, как, например, в ст. 1 резолюции 1803 ГА ООН [6]. В ходе многочисленных дискуссий по Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах и Международному пакту о гражданских и политических правах представители различных государств постоянно возвращались к вопросу о признании прав народов на их природные ресурсы. По словам Кроуфорда, подход, поддерживаемый профессором Кассеце и заключающийся в рассмотрении неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами как права народов, а не государств, неоспорим, что соответствует первым статьям вышеупомянутых Пактов [1; 7, с. 142; 8, с. 94].

Подтверждение в резолюции 1803 того факта, что постоянный суверенитет над природными ресурсами принадлежит как народам, так и нациям, побуждает исследователей признать их право на самоопределение, квалифицируя его как право на свободное распоряжение природными ресурсами и богатствами. Можно сказать, что следствием этой резолюции стало наделение коренных народов определенной международно-правовой субъектностью.

Упоминание в резолюции 1803 и ранее упомянутых пактах народов и наций привлекло наше внимание. Зная, что суверенитет над естественными ресурсами создает обязательства государств-носителей этого суверенитета, свободное распоряжение народами природными богатствами и источниками укрепляет идею о том, что контроль над ресурсами со стороны последних является их правом. Таким образом, народ становится одновременно носителем и бенефициаром этого права, а государства выполняют лишь роль распорядителя в рамках,

определенных национальным законодательством и международным правом, причем с условием строгого соблюдения общественных интересов.

Глобальное изменение климата остро стоит на повестке дня в XXI в. Чтобы противостоять этой угрозе, международное экологическое право регулирует систему климата и биоразнообразия посредством международных и региональных конвенций и договоров, имеющих обязательный характер. Глобальное потепление было определено основными международными документами, такими как Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата и Парижское соглашение, которые налагают на государства обязанность вносить определенный вклад на национальном уровне и усиливать меры по защите окружающей среды.

При анализе этих инструментов особого внимания удостоилась политика общей, но дифференцированной ответственности. Она накладывается на все государства, но выполняется ими по-разному в зависимости от возможностей, особенно финансовых, без ущерба для суверенитета государств [3; 4]. Конвенция о биологическом разнообразии (ст. 15) и Нагойский протокол к ней (ст.ст. 1, 5) расширяют данные обязательства. Принимая во внимание право государств на доступ к природным ресурсам, следует отметить, что эти документы обязывают страны распределять полученные из этого выгоды [9; 10].

Обязательство о совместном использовании выгод от естественных ресурсов и правила о регулировании трансграничного загрязнения повлекли за собой появление экстерриториального обязательства, которое заключается в том, чтобы не причинять экологического ущерба другим государствам или зонам общего пользования [11, с. 233]. Эта ответственность за трансграничную защиту создает новое требование к государствам: должную осмотрительность. Таким образом, это является превентивным механизмом, соответствующим следующей последовательности действий: экологическая оценка – уведомление – предварительная консультация [12, с. 123; 13, с. 8].

Эта коллективная ответственность, подтвержденная Рамочной конвенцией Организации Объединенных Наций об изменении климата и Парижским соглашением, ограничивает осуществление суверенной власти государствами. Так, государство юридически остается единственным обладателем этого суверенного права, но международные обязательства, связанные, например, с сокращением выбросов парниковых газов, а также глобальные цели прозрачности и технического и финансового сотрудничества доказывают, что суверенная деятельность государств не безгранична.

Несмотря на эти нормативные достижения, роль, которую государства играют в защите окружающей среды, остается решающей и основывается на

трансграничной или межгосударственной ответственности, причем коренные народы и местные общины рассматриваются в качестве бенефициаров или просто в качестве заинтересованных сторон. Подобное положение коренных народов как ответственных субъектов глобальной политики в области охраны окружающей среды оправдано тем фактом, что вопрос об осуществлении ими права на самоопределение как внутри страны, так и за ее пределами продолжает вызывать правовые дебаты.

Международные и региональные правовые документы четко определяют сферу применения принципа самоопределения народов. Коренные народы должны поддерживать свои собственные институты управления, которые включают в себя их обычное и письменное право, а также механизмы разрешения споров и арбитража, которые существуют не только де-факто, но и де-юре, что признано в ст.ст. 6 и 7 Конвенции МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах [5].

Право коренных народов на внутреннее самоопределение занимает центральное место в Декларации Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г. после сложных переговоров, начатых еще в 1980 г. Ст. 4 Декларации гласит: «Коренные народы при осуществлении их права на самоопределение имеют право на автономию или самоуправление в вопросах, относящихся к их внутренним и местным делам, а также путям и средствам финансирования их автономных функций» [14].

На международном уровне имплементация права народов на самоопределение оправдана тем фактом, что государство при осуществлении своей суверенной власти так или иначе принимает законы, дискриминирующие определенные слои населения в той или иной форме. То есть реализация права на внешнее самоопределение зависит от степени демократичности правительства и соблюдения основных прав коренных народов.

Антонио Кассезе и Ян Браунли утверждали, что самоопределение – это правовой принцип, получивший статус *jus cogens*, от которого государства не могут отступать. Императивный характер права на самоопределение способствует признанию коренных народов субъектами международного права, но не ставит их в один ряд с государствами. Это признание вызвало негодования со стороны государств, которые рассматривали это как лишение их суверенной власти и посягательство на территориальную целостность, а также прецеденты в судебной практике, где опасения были основаны на угрозе мировому порядку [15].

Наглядным примером является дело об Аландских островах. В этом деле Совет Лиги Наций не

признал за подавляющим большинством населения Аландских островов права на отделение от Финляндии, поскольку это «разрушило бы стабильность внутри государств и установило бы анархию в международном порядке». Данный случай иллюстрирует сложность внешнего самоопределения в международном праве, которая заключается в согласовании государственного суверенитета с местными чаяниями при одновременном создании механизмов мирного разрешения конфликтов [16].

Вопросы ущемления прав коренных народов как субъектов, занимающихся защитой окружающей среды, прослеживаются в некоторых судебных решениях, касающихся добычи полезных ископаемых, углеводородов, древесины, которые определяют как политику государств по вопросам климата, так и ответственность населения, зависящего от экосистем. В деле племени сарамакка против Суринама прецедентное право Межамериканского суда по правам человека иллюстрирует эту напряженность. Суринам предоставил компаниям лесные и горнодобывающие предприятия на тех территориях, которые традиционно занимало племя сарамакка. Суд признал, что подобные действия со стороны государства без предварительной консультации с общиной нарушили права этого коренного народа на собственность и культурное наследие [17].

Данное судебное решение показывает, что государственный суверенитет над природными ресурсами не безграничен. Он всегда должен осуществляться на благо населения, а любому решению должны предшествовать консультации, которые могут оказать долгосрочное воздействие на территории и их устойчивость к изменению климата. Поэтому, чтобы противостоять этой напряженности, государство обязано создать механизмы участия и свободного, предварительного и осознанного согласия, о чем говорится в ст.ст. 6 и 16 Конвенции МОТ № 169 и ст.ст. 18, 19 и 32 Декларации ООН о правах коренных народов [5; 14].

Как видно из климатического контекста и из дела племени сарамакка против Суринама, исключение коренного населения из механизмов защиты окружающей среды усложняет сосуществование государственного суверенитета с принципом самоопределения народов. Если государство обладает абсолютной властью и единолично устанавливает механизмы защиты окружающей среды и экосистем, не привлекая к этому общественность в какой-либо роли, существует риск принятия иррациональных климатических решений и, следовательно, ухудшения и ослабления переводных систем управления. Именно поэтому крайне важно рассматривать обязательства по климату, вытекающие из международно-правовых документов, не только как технические и финансовые ограничения, которые ложатся на государства, но и как обязанности по проведению кон-

сультаций с населением и непосредственному вовлечению коренных народов в разработку стратегий по адаптации к изменению климата и смягчению его последствий для эффективной защиты окружающей среды.

Чтобы избежать данной нестабильности, необходимо найти баланс между государственным суверенитетом и правом народов на самоопределение, который бы не ограничивался только теоретическими требованиями принципов. Гибридные механизмы, включенные в международные документы, касающиеся защиты окружающей среды, носят обязательный характер. Подобно национальному вкладу, вносящемуся в поддержание экологии, как предусмотрено в Парижском соглашении (ст.ст. 2–4, 8, 9), подобные инструменты регулирования окажутся высокоэффективны при условии, что коренные народы получают важную роль в разработке и эксплуатации природных ресурсов [4].

Такие международные инструменты, как Зеленый климатический фонд ООН, Инструмент гибкого добровольного взноса при ФАО ООН и Механизм чистого развития Киотского протокола, программа ООН-СВОД (REDD+), требуют, чтобы разработка и реализация этих программ проводились совместно с коренным населением, а их механизмы соответствовали определенным критериям и стандартам, основанным на социальной и экологической составляющей и предварительных консультациях с местными сообществами.

Эти гибридные системы координации позволяют сбалансировать центральную роль государства в управлении климатом и роль народов, основанную на их постоянной вовлеченности. Несмотря на то что государство остается основным действующим лицом, ответственным за осуществление своей национальной экологической политики, очевидна эффективность участия коренных народов в процессах принятия решений и в контроле с целью легитимизации этих государственных обязательств.

На доктринальном уровне несогласованность права на самоопределение и государственного суверенитета уравнивается действенностью сопричастности обоих этих субъектов и общим суверенитетом. В этом смысле государство остается единственным международным субъектом, обладающим международной юрисдикцией в вопросах управления ресурсами. Упомянутый общий суверенитет опирается на Конвенцию МОТ № 169 (ст. ст. 6, 7) и Декларацию Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (ст.ст. 10, 19, 32), в которых право на самоопределение признается как неотъемлемое право коренных народов, которое они могут осуществлять для защиты и улучшения условий жизни на своей территории. Как видно из перечисленных примеров, баланс между субъектами достигается с помощью принципа свободного,

предварительного и осознанного согласия, установленного в международных договорах. Это обязательство ложится на государства всякий раз, когда они намереваются принять решения, способные повлиять на земли коренных народов, их образ жизни или окружающую среду [5; 14].

Африканский суд по правам человека и народов (CADHP) вынес важные решения, касающиеся прав коренных народов, в частности по делу народа огиек в Кении. В этом деле суд установил соответствующие критерии для определения статуса коренных народов, такие как давность использования территории, культурная специфика, самоидентификация и процесс маргинализации. Суд признал нарушение права племени огиек на свободное распоряжение своими природными ресурсами, поскольку переселение с территории лишило их возможности использовать продукты питания, произведенные на их исконных землях. Африканский суд также установил нарушение их прав на экономическое, социальное и культурное развитие, поскольку Кения выселила представителей народа огиек без предварительного уведомления о соответствующих программах [18].

В постановлениях прослеживается важная роль, которую играет Африканский суд по правам человека и народов в защите прав коренных народов, особенно в области признания их уникальной культурной самобытности и в предоставлении им доступа к исконным землям и ресурсам. Африканская хартия также защищает коллективные права, включая право народов на самоопределение.

В связи со всеми вышеупомянутыми факторами необходимо проведение реформ для более инклюзивного управления ресурсами во благо экосистемы. Следующие предложенные нами реформы позволят воплотить международные принципы и механизмы в правовую и политическую реальность:

– **институционализация вовлеченности коренных народов**: государства должны уточнить роль и место коренных народов в национальных органах, отвечающих за климатическую политику (экологические комитеты, органы управления климатическим фондом, комитеты по мониторингу проектов ООН-СВОД и т. д.);

– **дополнение к Парижскому соглашению**, то есть расширение применения принципа свободного, предварительного и информированного согласия (FPIC). Следует рассматривать этот принцип как носящий обязательный характер.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что принцип неотъемлемого суверенитета над естественными ресурсами, закрепленный в резолюции 1803, гласит: государства при его осуществлении должны уделять первоочередное внимание благополучию своего населения. Международные договоры также не оставили соблюдение этого права народов на усмотрение государств. Так, Конвенция

МОТ № 169 и Декларация ООН о правах коренных народов зафиксировали принцип самоопределения народов в отношении их природных ресурсов. Связь между государственным суверенитетом над природными ресурсами и защитой окружающей среды, хотя и характеризуется напряженностью, открывает прагматичные пути примирения. Представленные гибридные инструменты регулирования демонстрируют, что признание ключевой роли коренных народов в механизмах защиты окружающей среды является не препятствием, а решением для сосуществования этих двух фундаментальных принципов международного права. Доктринальный подход к совместному суверенитету, закрепленный в международных договорах и в прецедентном праве, подтверждает, что суверенитет государств не является безусловным и должен согласовываться как с правом коренных народов на самоопределение и на ресурсы, так и с задачами, вытекающими из актуальной экологической ситуации.

Литература:

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // ООН. Документы. Нью-Йорк, 1967. С. 73–90.
2. Неотъемлемый суверенитет над естественными ресурсами: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1803 (XVII) от 14.12.1962 // Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. 1962. С. 55–57.
3. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата: принята 9 мая 1992 г. // United Nations Framework Convention on Climate Change. Рио-де-Жанейро: ООН, 1992. 32 с.
4. Парижское соглашение: принято 12 декабря 2015 г., вступило в силу 4 ноября 2016 г. // Организация Объединённых Наций. URL: https://unfccc.int/files/essential_background/convention/application/pdf/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 21.04.2026).
5. Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах // Convention concerning Indigenous and Tribal Peoples in Independent Countries: принята 27 июня 1989 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/iol169.shtml (дата обращения: 23.04.2026).
6. Устав Организации Объединенных Наций: принят в Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров ООН. Нью-Йорк: ООН, 1945. С. 3–20.
7. Crawford J. The Rights of Peoples: “Peoples” or “Governments”? // Bulletin of the Australian Society of Legal Philosophy. 1985. Vol. 9. P. 136–147.
8. Cassese A. The self-determination of peoples // Henkin L. (ed.). The International Bill of Human Rights: The Covenant on Civil and Political Rights. New York, NY: Columbia University Press. 1981. P. 92–113.
9. Конвенция о биологическом разнообразии: принята 5 июня 1992 г., вступила в силу 29 декабря 1993 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/biodiv.shtml (дата обращения: 21.04.2026).
10. Нагойский протокол о доступе к генетическим ресурсам и справедливом и равноправном распределении выгод от их использования к Конвенции о биологическом разнообразии. Нагоя, 2010. URL: <https://www.cbd.int/abs/doc/protocol/nagoya-protocol-ru.pdf> (дата обращения: 21.04.2026).
11. Конвенция о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния: принята 13 ноября 1979 г., вступила в силу 16 марта 1983 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/transboundary.pdf (дата обращения: 28.04.2026).
12. Американская конвенция о правах человека (Пакт Сан-Хосе): заключена в Сан-Хосе 22.11.1969 // Сборник договоров ООН. 1969. Т. 1144. С. 123–146.
13. Updated draft legally binding instrument to regulate, in international human rights law, the activities of transnational corporations and other business enterprises. Geneva : Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights, 2023. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/hrcouncil/igwg-transcorp/session9/igwg-9th-updated-draft-lbi-clean.pdf> (дата обращения: 23.04.2026).
14. Декларация ООН о правах коренных народов: резолюция 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сент. 2007 г. // ООН. Документы. Нью-Йорк, 2008. С. 1–25.
15. Pereira R. Permanent sovereignty over natural resources in the 21st century: natural resource governance and the right to self-determination of indigenous peoples under international law // Melbourne Journal of International Law. 2013. Vol. 14. № 2. P. 285–320.
16. The Aaland Islands case // League of Nations Doc. B7/21/68/106 (1921). URL: <https://www.ilsa.org/Jessup/Jessup10/basicmats/aaland1.pdf> (дата обращения: 23.04.2026).
17. Saramaka People v. Suriname: Preliminary Objections, Merits, Reparations and Costs, Judgment of 28 November 2007 // Inter-American Court of Human Rights. Series C. № 173.
18. African Commission on Human and Peoples’ Rights v. Kenya (Ogiek case) // African Court on Human and Peoples’ Rights. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-ogiek-case-of-the-african-court-on-human-and-peoples-rights-not-so-much-news-after-all/> (дата обращения: 20.04.2026).

Permanent Sovereignty over Natural Resources as a Fundamental Element of the Right to Self-Determination: Practical Aspect

Janvier Nduwimana

Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

In the face of intensifying climate challenges, the relevance of studying the relationship between the right of peoples to self-determination and inalienable sovereignty over natural resources has become increasingly important. The aim of this study is to determine the balance between these principles in the context of the international environmental obligations of various states. To achieve this, the following tasks were set: an analysis of international legal norms, law enforcement practices, and the development of recommendations. The scientific significance of this work lies in rethinking the concept of sovereignty through the prism of inclusive governance, and the practical application of the results lies in the potential for their application in education and public environmental policy. The study found that the right of inalienable sovereignty does not justify the exclusion of indigenous peoples from decision-making processes. On the contrary, their participation enhances the effectiveness of climate governance. It was also concluded that integrating the right to self-determination strengthens the legitimacy of states. The scientific novelty of this article lies in its substantiation of a model of multi-level and inclusive natural resource governance that recognizes the key role of indigenous peoples and local communities in this process.

Keywords: state sovereignty, principle of permanent sovereignty, natural resources, self-determination of peoples, indigenous communities, environmental protection

